

Z. Guentchéva (ed.). Aspectuality and temporality: Descriptive and theoretical issues. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 740 p. ISBN 978-90-272-5937-0.

Андрей Болеславович Шлуинский

Andrey B. Shluinsky

Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; ash1@yandex.ru

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; ash1@yandex.ru

Появление рецензируемого издания, безусловно, является большим событием в общей аспектологии и типологии аспектуальных категорий. Несмотря на то что проблематику глагольного вида (аспекта), аспектуальных значений и аспектуальных категорий, акциональности глагольных лексем сложно назвать новой, по-прежнему на повестке дня остаются и будут оставаться еще долго две проблемы. Во-первых, это привлечение материала языков различных семей и ареалов, видовые системы которых остаются малоизученными. Эта проблема, несомненно, актуальна едва ли не для всех фрагментов языковых систем, но именно в случае глагольного вида особенно заметна диспропорция между необозримыми тысячами работ по аспектологии¹, основанными на материале отдельных языков и семей, и вполне ограниченным объемом работ, подключающих к этой проблематике языковое разнообразие. Во-вторых, это смыкание различных научных традиций и погружение полученных в них результатов в формат единой международной научной дискуссии. Конечно же, и эта проблема актуальна для всей лингвистики в целом, но именно в аспектологии она имеет особую остроту (которую может, в частности, оценить всякий, кто одновременно знаком с традицией русской аспектологии, с системой понятий типологии глагольных систем и с анализом аспектуальных категорий в формально-синтаксических теориях).

Том под редакцией Златки Генчевой представляет собой важный шаг в обоих направлениях. Обсуждаемый материал лишь в очень ограниченном объеме включает славянские (конкретнее, болгарский) и германские (английский, норвежский) языки, а в основном привлекает данные разной степени «экзотичности», но в любом случае недостаточно исследованные с точки зрения аспектологической проблематики: другие индоевропейские языки (албанский, армянский, новогреческий, хинди), афразийские языки (семитские — современные арамейские и арабские диалекты — и берберские — северноберберские идиомы и язык зенага), монгольские языки (халха-монгольский, бурятский, калмыцкий) и корейский язык, тайский язык, тибетские языки, дравидийский язык бадага, атлантический язык волоф, бантуский язык ланги, майянский юкатекский язык, язык сикуани гуахибской семьи, восточногренландский эскимосский язык эскимосско-алеутской семьи, океанийский язык нелемва. Как сказано в предисловии, том является результатом коллективного исследовательского проекта «Вид и время: описание и теория», который разрабатывался в парижской лаборатории «Бесписьменные языки и цивилизации» Национального центра научных исследований (LACITO-CNRS). Все статьи, входящие в сборник, типологически ориентированы, но в большей или меньшей степени учитывают французскую лингвистическую школу. Можно, впрочем, сразу сказать, что интеграция аппарата этой школы в научный контекст современной грамматической типологии далеко не всегда удастся авторам тома.

Том состоит из написанного З. Генчевой предисловия и 22 статей, сгруппированных в семь тематических частей. Как справедливо отмечено в предисловии, статьи не объединены какой-либо единой теоретической платформой, но все они ориентированы

¹ Именно ввиду необъятности библиографии по аспектологии в настоящей рецензии принято осознанное решение избегать излишних библиографических ссылок.

одновременно на работу с эмпирическим материалом и помещение этого материала в пространство типологических возможностей.

Первая часть тома, в которой рассматриваются теоретические проблемы глагольного вида, состоит из единственной статьи Жана-Пьера Декле (Jean-Pierre Desclés), в которой предлагается авторская теоретическая система для анализа видо-временных значений. Авторская позиция состоит в том, что все аспектуальные различия так или иначе связаны с когнитивным и концептуальным различием между универсальными типами ситуаций: состоянием, процессом и событием. Эти ситуационные типы, представляющие собой суженный вариант Вендлеровой глагольной классификации и многих последующих акциональных классификаций глагола, в современной аспектологии принято трактовать как явление, независимое от собственно аспектуальных категорий, как в известной формулировке Карлоты Смит [Smith 1991] о «двухкомпонентности вида». В то же время верно, что «внешние» аспектуальные значения не случайно по меньшей мере предпочитают определенные «внутренние» акциональные. Ж.-П. Декле предлагает семантическую карту, связывающую разные типы состояний, процессов и событий, и указывает на возможность описания конкретных аспектуальных категорий в терминах определенного множества элементов на такой семантической карте.

Вторую часть тома образуют статьи, в которых рассматриваются системы глагольных категорий в целом в отдельных языках разных семей и ареалов.

Статья Изабель Бриль (Isabelle Bril) посвящена глагольным категориям языка нелемва. Этот язык характеризуется отсутствием временных категорий — показано, что ни одна его модально-видовая категория не ограничена какой-либо временной референцией, — однако имеет широкий спектр средств, связанных с выражением аспектуальных и модальных значений. В статье тщательно разбирается употребление этих средств — грамматических частиц, вспомогательных глаголов, превербов — и их взаимодействие между собой. К сожалению, недостаточное внимание уделено функционированию «нулевой» формы, называемой в работе аористом.

В статье Рене Гзелля (René Gsell), воспроизводящей более раннюю франкоязычную публикацию, рассматривается видо-временная система тайского языка. В статье предпринята попытка системного описания выражения видо-временных значений в изолирующем языке, в котором эти значения оказываются результатом взаимодействия целого ряда словоформ в глагольном комплексе. Эти словоформы имеют разную степень грамматикализации (в частности, одни из них трактуются автором как превербы, а другие как вспомогательные глаголы), что делает невозможной привычную схему описания, где различаются лексическое значение глагольной основы (включая значения деривационных показателей) и грамматические категории. Как кажется, автору, скорее, удалось показать проблемы анализа таких систем, чем предложить полное описание, но и этот шаг представляется очень важным.

Кристиан Пило-Райшор (Christiane Pilot-Raichoor) обращается к глагольным категориям языка бадага в контексте других дравидийских языков, используя понятийный аппарат классика французской лингвистики Г. Гийома. Статья содержит интересный материал, но, как кажется, в данном случае автору не удается проинтерпретировать его адекватным современной аспектологии образом, а иногда возникает и очевидное смешение понятий: так, обсуждая различие между прошедшим и непрошедшим временем, автор отождествляет эти временные значения с перфективом и имперфективом, что не вполне верно.

В статье Стефан Робер (Stéphane Robert) описана видо-временная система языка волоф, в том числе взаимодействие видо-временных категорий с акциональностью глагола. Хотя автор и не формулирует это в таких терминах, фактически ей удается показать, что в волоф вся видо-временная система во многом не вписывается в современное типологическое ожидание того, что видо-временная форма либо имеет стабильное собственно видовое значение (перфективное или имперфективное), либо аспектуально нейтральна. Общеизвестно, что перфективное или имперфективное значение видо-временной формы может также зависеть от лексических свойств глагола, но в волоф это оказывается свойством целого ряда форм.

Margaret Dunham (Margaret Dunham) рассматривает видо-временную систему языка ланги. Как представляется, глагольная система ланги — вполне типичный представитель бантуских систем (которые относительно хорошо описаны, ср., например, [Аксенова 1997]). Глагольные системы банту «одномерны», если пользоваться известным термином из [Welmers 1973]: в этих языках модальные, временные и аспектуальные значения выражаются при помощи единого ряда показателей (как правило, хотя и не всегда, занимающих одну и ту же морфологическую позицию в словоформе), что, в свою очередь, ставит вопрос о том, как они организованы в грамматические категории в традиционном понимании. Хотя данная статья, как кажется, сама по себе не предлагает новой интерпретации таких систем, она вносит свою лепту в материал по ним. Существенно, что автор обращается и к средствам выражения видо-временных значений, стоящим вне «одномерности» основной системы, — конструкциям со вспомогательными глаголами.

Статья Франсеска Кейшалоса (Francesc Queixalós) представляет собой обзор средств выражения аспектуальных значений в языке сикуани. Автор вводит в научный оборот новый ценный эмпирический материал, и в данном случае нет никакого сомнения в том, что достоинством, а не недостатком работы является то, что не предложен готовый анализ этого материала в какой-либо теоретической системе. Последовательно описан семантический вклад в аспектуальное значение глагольных аффиксов, редупликации, вспомогательных глаголов и частиц.

Третья часть тома посвящена отнюдь не новой, но далеко не исчерпавшей себя, тем более в типологическом плане, проблематике взаимодействия способа действия (Aktionsart'a) и грамматических аспектуальных значений. Надо сказать, что само понятие способа действия далеко не прозрачно: как известно, даже в локальной традиции русской аспектологии под способами действия могут пониматься как семантические классы глаголов вне зависимости от их морфологических характеристик (в том числе и акциональные классы), так и классы производных глаголов, образованных определенным словообразовательным средством, а потому представляющих одновременно морфологическую и семантическую общность. В обсуждаемом томе понимание термина «Aktionsart» также неоднозначно: если в упоминавшейся выше статье С. Робер он использован в значении акционального класса, то в обеих статьях третьей части: в значении способа действия как семантико-морфологического класса производных глаголов.

В статье Филиппа Меннесье (Philippe Mennecier) обсуждаются данные восточногренландского эскимосского языка. Эта статья вводит в научный оборот крайне существенный с точки зрения общей аспектологии материал: речь идет о данных идиома, близкородственного западногренландскому эскимосскому, описание которого [Fortescue 1984] пользуется известностью среди аспектологов, и языку инуктитут, на материале которого написана влиятельная теоретически ориентированная работа [Bohnenmeyer, Swift 2004]. Языки инуитской группы эскимосско-алеутской семьи характеризуются нетривиальным пересечением двух факторов, каждый из которых сам по себе не так уж редок, но все равно остается предметом теоретического осмысления. Во-первых, это центральный статус глагольной формы фактатива, имеющей референцию к прошлому или настоящему в зависимости от лексических свойств глагола. Во-вторых, это крайне обширная система аспектуальной деривации — способов действия, которые, в свою очередь, предопределяют семантику глагола в том числе и с точки зрения интерпретации фактатива. В статье подробно описаны восточногренландские способы действия, их влияние на интерпретацию глагольных форм, а также ставится вопрос о наличии в восточногренландском эскимосском языке словоклассифицирующей категории вида, аналогичной славянской.

Самиа Наим (Samia Na'im) обращается к арабским диалектам и описывает взаимодействие между аспектуальными категориями, представленными в словоизменительной системе глагола (в терминологии автора «внутренними аспектуальными показателями»), и способами действия, выражаемыми вспомогательными глаголами и приглагольными частицами (в терминологии автора «внешними аспектуальными показателями»). Автор,

во-первых, предлагает интересную описательную конкретику, а во-вторых, показывает, что эти два явления, выражая очень близкие типы значений, действительно сосуществуют относительно независимо.

Четвертая часть книги озаглавлена «Индоевропейский аорист и семито-хамитский аорист» и посвящена обсуждению наиболее спорной с точки зрения типологической интерпретации категории — аориста. Казалось бы, термин «аорист» вообще не имеет единого типологически релевантного значения и рассматривается только как «ярлык» для форм отдельных языков, максимум — языковых семей, и можно говорить, например, об индоевропейском аористе просто как о когнатных глагольных формах, получивших такое традиционное название. Тем не менее можно задаться вопросом: почему же все-таки этот термин заимствуется из одной традиции в другую и переносится с одних языковых форм на другие, на первый взгляд непохожие? Статьи этой части дают на этот вопрос определенный ответ, наиболее эксплицитно сформулированный А. Донабедьян и Л. Галаном: речь идет о глагольной форме с минимумом морфологии, в значении которой нет привязки к моменту речи и временная референция которой зависит от контекста; или так: речь идет о самой простой глагольной форме как с точки зрения формы, так и с точки зрения значения. Поскольку данная часть ограничивается только двумя генетическими единствами — причем имеющими обширную традицию изучения, — неясно, насколько сочетание этих определяющих признаков действительно типологически значимо, то есть верно ли, что если привлечь к рассмотрению обширный языковой материал, то все глагольные формы, подпадающие под эти определяющие признаки, действительно образуют содержательный естественный класс. Тем не менее по крайней мере пять статей четвертой части, во-первых, показывают, что термин «аорист» все же употребляется в лингвистической литературе не хаотически, а во-вторых, рассматривают важный в контексте соответствующих традиций относительно маргинальный с точки зрения исторически сложившегося фокуса внимания материал.

Жан-Луи Дюше (Jean-Louis Duchet) и Ремзи Пернаска (Remzi Përnaska) представляют материал албанского языка и сопоставляют форму аориста с формой перфекта. Функционирование обеих форм рассматривается в разных речевых жанрах, и удается установить, что ключевое различие между ними состоит в типологически ожидаемом семантическом компоненте перфекта, связанном с релевантностью ситуации в точке отсчета.

Анаид Донабедьян (Anaïd Donabédian) рассматривает функционирование аориста в современном армянском языке. Она предлагает набор семантических признаков, инвариантных для этой формы (событийность, компактность ситуации, отсутствие привязки к точке отсчета), и показывает, что все наблюдаемые контексты употребления могут быть описаны как выводимые из этих признаков. Признаки могут быть подвергнуты критике как слишком абстрактные, но так или иначе они задают действующую описательную модель.

Анни Монто (Annie Montaut) обращается к форме на *-ā* в хинди и урду, которая не связана исторически с индоевропейским аористом (а называется традиционно перфектом и, что вполне характерно для перфекта, восходит к форме причастия), но заняла функциональную нишу аориста после его исчезновения. По существу, материал статьи иллюстрирует типологически характерный переход перфектной формы в форму перфективного претерита, не имеющего «привязки» к точке отсчета.

В небольшой статье Лионеля Галана (Lionel Galand) речь идет о форме аориста в идиомах, относящихся к северной группе берберских языков. Автор стремится продемонстрировать, что эта форма сама по себе нейтральна с точки зрения модальных и видовых значений, получая их в зависимости от контекста. Однако малый объем статьи, с одной стороны, и довольно широкий разброс языкового материала, с другой, скорее показывают, что употребление аориста заслуживает более подробного исследования в каждом отдельно взятом идиоме.

В статье Катрин Тэн-Шейк (Catherine Taine-Cheikh) предлагается анализ употребления формы аориста в языке зенага в общеберберской перспективе в сопоставлении с формой имперфектива в контактирующих с ним диалектах магрибского арабского языка. Если в берберских языках форма аориста выделяется на морфологических основаниях (речь идет

о форме, не входящей в морфологическую оппозицию между перфективной и имперфективной основой), то в арабском такой формы нет, но имперфективная форма обнаруживает сходное употребление.

Пятая часть озаглавлена «Перфекты и результативы», но фактически ограничивается рассмотрением результативной семантики. В нее входят три статьи, задачи которых варьируют от прежде всего описательных до теоретически ориентированных.

Статья Элени Валма (Eleni Valma) посвящена семантическим различиям между двумя новогреческими продуктивными суффиксами, образующими отглагольные прилагательные (-τος и -μενος). Автор показывает, что прилагательные с одним из этих суффиксов выражают внутреннее свойство объекта, тогда как прилагательные с другим суффиксом имеют результативное значение. Новогреческий материал, таким образом, дает пример морфологического различия двух семантических типов состояний, описанных еще в [Недялков, Яхонтов 1983], — ингерентного (или естественного) и результирующего.

Инджу Чхой-Чонин (Injoo Choi-Jonin) обращается к корейским перифрастическим конструкциям, состоящим из деепричастных форм и вспомогательного глагола и имеющим нефиксированную аспектуальную интерпретацию. Одна из конструкций может иметь прогрессивное или посессивное результативное значение, а другая — выражать естественное состояние или субъектный / объектный результатив. Автор показывает, что в обоих случаях выбор интерпретации не сводим к какому-либо одному простому параметру и зависит от целого ряда факторов, которые систематизированы в статье.

Статьи Милы Димитровой-Вылчановой (Mila Dimitrova-Vulchanova) имеет более теоретический характер. В ней, прежде всего на материале английского языка, но также с привлечением норвежских, итальянских, новогреческих и болгарских данных, рассматривается различие между двумя семантическими типами результирующего состояния — в терминологии автора, «консервативным» (conservative, connected) и «радикальным» (radical, disconnected). В первом случае речь идет о прямом результате, который наступает после достижения ситуацией своей критической точки, непосредственно входящей в семантику глагола, а во втором — об опосредованном результате ситуации, который напрямую с лексическим значением не связан. На то, что результативная семантика далеко не всегда связана с естественным пределом в лексическом значении глагола и с наличием этого естественного предела, внимание обращалось и ранее, например в статье [Плунгян 1989]. Однако М. Димитрова-Вылчанова предлагает целый ряд признаков, касающихся синтаксической сочетаемости, с которыми коррелируют эти два семантических типа результата.

Шестая часть посвящена семантической зоне будущего времени. Хотя, разумеется, эта семантическая зона давно находится в поле зрения типологов, специализирующихся на глагольных системах, и давно известен специфический статус будущего времени с точки зрения реальности описываемой ситуации, в этой области также остается острая нехватка дополнительного материала. Четыре статьи этой части тома вводят в оборот новый материал по футуральной семантической зоне или предлагают новую интерпретацию более известного материала.

Статья Роберта Бинника (Robert I. Binnick) посвящена средствам выражения футурального и проспективного значений в монгольских языках. В статье показано, что в этой языковой группе, с одной стороны, система глагольных форм, способных иметь временную референцию, обширна и включает как финитные, так и нефинитные формы, а с другой стороны, специализированные средства выражения именно футуральной семантики отсутствуют. Автор показывает, что такие употребления с референцией к будущему не позволяют считать, что футуральное или проспективное значение входит в семантику этих форм, и ставит вопрос об адекватном аппарате для описания таких видо-временных систем.

Николя Турнадр (Nicolas Tournadre) обращается к системе будущих времен в тибетских языках. В небольшой по объему статье предлагается краткий обзор способов выражения референции к будущему в классическом тибетском языке и некоторых современных языках. Автор показывает, что наблюдаемое разнообразие конструкций с футуральной семантикой

связано с тем, что все они выражают не чисто временное значение, а широкий круг прочих — модальных и эвиденциальных.

Валентина Вапнарски (Valentina Vapnarsky) рассматривает употребление показателя *blin* со значением предиктивного будущего времени в юкатекском языке, привлекая обширный типологический и теоретический контекст. Автору удается продемонстрировать, что это действительно форма, специализированная на выражении референции к будущему, причем именно с предиктивной семантикой. В то же время автор показывает, что, поскольку других специализированных форм с временной семантикой в юкатекском языке нет, невозможно постулировать грамматическую категорию времени, а предиктивная форма, таким образом, существует в ряду аспектуальных форм. Также в статье обсуждаются возможные пути грамматикализации рассматриваемой формы.

В статье Златки Генчевой (Zlatka Guentchéva) речь идет о форме будущего времени в болгарском языке. Болгарская аналитическая футуральная форма восходит к конструкции с глаголом 'хотеть', но, как показано в статье, синхронно уже не имеет модального семантического компонента и выражает лишь временное значение. Автор предлагает собственную модель единого описания модальных, видовых и временных значений и применяет ее к болгарскому материалу.

Наконец, седьмая часть, посвященная языковым изменениям в сфере грамматической семантики, включает единственную статью Пабло Кирчука (Pablo Kirtchuk), в которой на материале современных северо-восточных арамейских диалектов рассматривается связь между аспектуальной и залоговой семантикой у форм перфективных / перфектных причастий. Автор показывает, что в арамейском аспектуальная перфектная семантика послужила основой для залоговой, и высказывает предположение об универсальности такого пути развития.

Как можно видеть, рассматриваемый том не представляет собой цельного произведения, в котором предлагалась бы единая теоретическая концепция или использовался бы единый терминологический аппарат. Это именно тематический сборник статей, которые — помимо изначальной принадлежности большей части авторов к общему исследовательскому проекту — объединены тем, что во всех них предлагается новый материал, существенный с точки зрения проблем современной общей аспектологии и по возможности вписывающийся в существующие в настоящее время типологические и теоретические представления. Появление этой книги, повторим, большое событие для данной области языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аксенова 1997 — Аксенова И. С. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука, 1997. [Aksenova I. S. *Kategorii vida, vremeni i nakloneniya v yazykakh bantu* [Categories of aspect, tense, and mood in the Bantu languages]. Moscow: Nauka, 1997.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Недялков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 5—41. [Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E. A typology of resultative constructions. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktсий*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 5—41.]
- Плунгян 1989 — Плунгян В. А. К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) // Вопросы языкознания. 1989. № 6. С. 55—63. [Plungian V. A. On the definition of the resultative meaning of the verb (Is the link between the resultative and telic meaning universal?). *Voprosy jazykoznanija*. 1989. No. 6. Pp. 55—63.]
- Bohnenmeyer, Swift 2004 — Bohnenmeyer J., Swift M. Event realization and default aspect. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. Pp. 263—296.
- Fortescue 1984 — Fortescue M. *West Greenlandic*. London: Croom Helm, 1984.
- Smith 1991 — Smith C. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer, 1991.
- Welmrs 1973 — Welms W. E. *African language structures*. Berkeley: Univ. of California Press, 1973.